

19.1.37.

Тов.СТАЛИНУ.

Копия - всем т-щам, присутствовавшим на очной ставке с Радеком и Астровым.

Дорогой тов.Сталин,

Получив известие о своем выводе из редакции, я в течение этих дней пытался много раз писать, но не хватало сил.

Итак, первая стадия оргвыводов уже налицо. Я хочу сказать, что дальнейшее (вывод из ЦК) предполагает полит.мотивировку (публичную); тогда - если я не буду признавать себя виновным в соответствующих преступлениях (а я не буду), то я автоматически вылетаю из партии. То есть политическая смерть с клеймом.

Я знаю, что иногда обстановка складывается так, что и невинные люди могут погибать, и долгое время история не раскапывает истины - такие пуды лжи повисают на явлении. Поэтому мне тов.Ежов напрасно сказал, что ты де "не думай, раз мы тебе посылали показания и устраивали очные ставки, что"... и т.д. Я ничего не "думаю", - я полужив. Я только хочу сказать: если вы считаете возможным и нужным меня оживить, то пустите работать, сражаться и, может быть, умереть, но на посту революционера; а если вы уже поставили надо мною крест (на горё возмутительных оговоров и наветов, на горё, которую я не могу разгрести простыми руками), то скажите...

X

X

X

У меня выпадают целые куски из памяти, и я иногда тщетно ловлю исчезающую мысль. Я на очной ставке забыл спросить почти все, что заготовил спросить, снова потерял одну бумажку^{х)}. Я не могу часто вспомнить ни дат, ни собы-

^{х)} На очн.ставке с Куликовым оставил свои записи, а здесь "посеял" телеграмму мне с просьбой переговорить с Берия относительно Гарбера, который был потом арестован; из телеграммы видно, что вовсе не я один его приглашал.

тий, ни людей из давних (и даже из близких) годов. На показания Цетлина я возражал, опираясь на справочник: "ВКП(б) в резолюциях" и т.д., часть II - 1925-1935г.", а не на свою память, разбитую всем происходящим. Но что я хорошо знаю цену возмутительных кровавых на меня наветов, это факт. Что бы то ни было я их, эти наветы, отвергаю и буду отвергать с глубоким внутренним негодованием. Меня пока еще сохраняет сознание моей полной невинности перед лицом обвинений в чудовищных преступлениях. Я еще надеюсь на то, что, при вашем (и особенно твоём) отношении распутаются, в конце концов, какие-то роковые узлы. Ты меня упрекнул, что я не сказал в ЦК о признании т.Менжинского. Но я рассматривал всю эту историю, как совершенно уже погребённую, во мне не было ни атома ни оппозиционности, ни желания воскрешать, к счастью, уже пройденные этапы. Поэтому я ничего не говорил, да и здесь не говорил, пока об этом не сказал Радек. Теперь я не могу пройти мимо этого заявления, я должен сказать, как было: Я целиком подтверждаю и думаю, что небесполезно было бы посмотреть, нет ли среди теперешних следователей тех людей, которые "пришивали" мне тогда Рамзина и К^о (они же подсылали, вероятно, и Короткова). Всегда может найтись один "усердный" в любом аппарате... У него, может быть, есть даже убеждение, что в этом-то и состоит партийный долг, чтобы угробить меня во что бы то ни стало. И такие случаи возможны, отдельные случаи превышения власти и направления следствия на определённый путь. Тов.Ежов намекал мне, что-де, мол, и Радек "кричал" и протестовал, а потом сознался. Что Радек так делал - охотно верю. Но я - не Радек, мне нечего "сознаваться", ибо, в противоположность Радеку, я не виновен, и я-то это знаю прекрасно. И ничто, никто, никогда, ни при каких обстоятельствах и ни при каких лжесвидетелях, вроде Радеков, Астровых, Куликовых и т.д. (будь их хоть легион), не заставят меня наклеветать на самого себя. Я могу ослабеть,

- 3 -

могу перестать соображать, может быть, стану только мы-
чать, но буду отбиваться от подлецов.

х х

х

В постановлении ПБ сказано также: "вопрос о дальней-
шей работе т.Б. обсудить совместно с т.Б.". Я не знаю хо-
рошо, хотели ли вы для успокоения позолотить мне "пилюлю"
или это нечто большее. Я просил тебя отпустить меня в
Испанию. А ты меня, по сути дела, очень ранил, когда спро-
сил "Не убежишь?". Между тем, я исходил здесь из того,
что

- 1) я кое-что понимаю,
 - 2) что у меня большой опыт борьбы с анархистами и
анархо-синдикалистами (Америка),
 - 3) что я могу смертным боем громить троцкистов,
 - 4) что легко могу обучиться по-испански, зная немно-
го итальянский и порядочно французский.
- И т.д.

Оставил бы тут горячо любимую жену и ребенка, боль-
ного 75-летнего отца и дочь. Я бы, конечно, понесся, как
на крыльях.

Мои просьбы, если бы эта комбинация оказалась воз-
можной, были бы:

- 1) не чернить меня в газетах;
- 2) разрешить мне сказать соответствующим товарищам
(советским) в Испании, что я не считаю себя виновным, но
обстановка была такова, что я своей работой в Испании хо-
чу убедить всех в своей абсолютной верности и преданно-
сти партии;
- 3) в случае моей смерти оповестить, что я умер на
посту революционера и оказать поддержку моей семье (ибо
я не занимался "накоплением").

Вот и все.

- 4 -

х х
х

О Радеке (в связи с очной ставкой). Радек - не рас-
каившийся, а играющий игру, прижатый к стене, как теперь
для меня ясно, рафинированный негодяй, доведший притвор-
ство до самого высокого градуса. Это у них, по-моему, слож-
ная тактика. Ср., напр., Мрачковский: перед смертью он заяв-
ляет, что выблевал все до конца и т.д. А о Радеке умолчал!
Радек третьего немца скрыл. Кто такое он был? Пятаков "не
знает", кто отвозил его в Осло. И т.д. Но радек "знает",
что я был его единомышленником. Пятаков "знает" тоже.

Радек хитро придумывает целые разговоры, подделывает-
ся под "словечки" х). Методология обмана хорошо разработа-
на. Но я снова напрягаю мысли и вижу, напр., вот что: Ра-
дек выдумывает, будто я веду с Мрачковским разговор, назы-
вал его на "ты", "пистолет", "партизан". Но я вообще во
всей партийной истории (от 1906 до 1936) с Мр-им дела
НИКОГДА не имел, не мог быть с ним на "ты", не мог знать,
что он за "пистолет", "партизан" etc. Я даже не знаю, ра-
ботал ли Мр. в Москве!

В предпоследнем разговоре со мной (6 сент., до моей
очной ставки с Сок. от 8 сент.), т.е. когда Радек, очевид-
но, уже думал о возможности своего ареста, он говорил,
что Сокольников - подлец, с которым он много лет, как рас-
сорился, что в ГПУ сидят польские агенты, которые могут
его, Радека, погубить, что о нем очень хорошо на партсоб-
рании говорил т.Селих (это оказалось сплошным враньем,
как я потом узнал) и т.д. Жену свою подсылал, повторяю, с
партийными напутствиями. Это "двойственность"? Нет, это -
обман. Что вообще была у Радека двойственность или ее эле-
менты - не могу отрицать. Но - с одной стороны "Сталин
9/10 победы", а с другой - исполнение "приказов" Троцкого,-

х) только "эффективный", это обычное немецкое, а не "бу-
харинское".

все-таки странная двойственность! Мне Радек просто лгал, чтобы убедить меня в своей партийности (в чем он и преуспел). Он ведь говорил, что я (Бух.) один выйду совершенно чистым из этой истории, ибо ему, Радеку, трудно, как б.троцкисту. Вот что он говорил, а не то, что придумал после ареста. Он держался за меня, надеясь на мое заступничество и мою действительную чистоту. Поэтому он все время убеждал меня в своей партийности. Поэтому он посылал свою жену с последними "партийными" словами. И может быть поэтому он сперва ничего не говорил о правых. Когда же ему стали задавать соотв.вопросы (см.начало протокола, где ему заявляется, что уже "все известно"), он сразу уныл, что ведется розыск и против меня. Как защитник, я стал ему ненужен (он сам уже сознался); наоборот, теперь (раз следствие идет и против меня) он должен был из соображений "искренности" (в японском стиле) клеветать на меня: здесь и общая политика троцкистов ("стравливать", спутывать карты, делать себе крупных сторонников, поддерживать свой вес), и использование хоть маленького (1/1.000.000) шансика на спасенье ("искренность"): повредить это не может, во всяком случае... И для этого он придумывает целую концепцию: я-де, мол, тоже, точь-в-точь, как Радек, одновременно и искренно занимал прямо противоположные позиции. Покорно благодарю! Это все выдумки рафинированной подлости! Радек и сейчас продолжает двойную игру - вот вывод.

(Кстати: я вспомнил, что встречал раз или два у него некую Мирру (в военной форме) (работала в 1917 г. в "Правде" на Ивановской ул., потом была в Буден.армии). Она - военная, близко знала Радека и в старые времена была его секретаршей. Я ничего плохого не слышал, но констатирую только факт присутствия у Радека).

Оказывается, троцкисты клеветали не только против меня. Кое-что из этого уже, как мне было сказано непосредственно после очной ставки, выяснилось. Но из названных об"ектов уже выяснившейся клеветы, как клеветы, разве не

ясен весь ее огромный масштаб, "мировой", "международный"? Разве не ясно, что эта клевета есть часть их, троцкистов, "большой политики"?

У меня до самого последнего времени было и здесь, и за границей значительное имя. В Париже, напр., успех моего доклада среди ученых и рабочих был очень большой. В Копенгагене меня пригласил, пожалуй, самый крупный физик мира, Нильс Бор, собрал верхушку ученых, и я их как раз - в очень острой ситуации - "агитировал" за нашу политику (был наш посол, к счастью, а то какой-нибудь прохвост и тут мог бы сочинить "новеллу"). Роллан подружился со мной крепко, Павлов очень любил. Так почему же троцкистам не ударить против меня? (Между прочим, исторический парадокс: в Париже на моем докладе^{х)} троцкисты устраивают мне скандал, их наши ребята выводят, в газетах пишут, что под моим руководством бьют на лестницах несчастных троцкистов - см. "Последн. Новости", троцкисты готовятся меня угробить и т.д. А после я обвиняюсь в пособничестве и в блоке, и уж не знаю в чем, с этой презренной сволочью!). Меня оклеветать было легче, чем названных мне лиц, ибо я - бывший лидер правых.

Мне защищаться очень трудно потому, что большинство самых тяжких обвинений формулируется так, что я-де что-то говорил кому-то наедине (передавал "директивы" и т.д.). Ссылаться мне на свои статьи, доклады, публичные выступления - малоубедительно: скажут, мимикрия; а Радек? а Пятаков? И т.д. Я поэтому искал в своей защите случаев, где этот контраргумент (о внешности, о наживании публичного политического капитала) не применим. Поэтому я выдвигал случаи с Ролланом и Павловым. На это мало обращают внимания. Между тем Павлов был действительно великаном науки. И как же мало-мальски разумно об"яснить, если держаться версии о моей виновности, - почему я в четырёх стенах, с глазу на

^{х)} -----
который я читал, ибо не мог вытерпеть всей бедности освещения горячих проблем с нашей, СССР, стороны (о чем писал и вам в Москву).

глаз (т.е. наверняка уже не для отвода других глаз!) его уламывал и уломал! Ну как же вяжется это со всеми обвинениями?! И уламывал его, в значительной мере, на вопросах внешней политики. Ну как же это мириться со сволочными утверждениями Радека и К^о! И уломал его лично по отношению к тебе, Сталину. Ну как же это согласуется с дикими вымыслами о моем к тебе отношении, как к лидеру и человеку? И то же с Ромен Ролланом, только у Роллана вопросы были поделikatнее и потоньше (о троцкизме, о допустимости союза с буржуазными государствами).

(Между прочим от Роллана сегодня получил письмо, где он очень просит, чтоб я писал время от времени о себе хотя бы по несколько строк. Не знаю уж, что и как писать).

О бывших "учениках".

Я, в конце концов, думаю, что они бесконечно на меня злы, и у некоторых (а, может, и у всех, кто продолжал идти против партии) прежняя любовь перешла в ненависть. Ведь я их осудил, "предал" и т.д. Я вспомнил, что в свое время, когда Е.Цетлин был выпущен после ареста, он выражал крайний гнев, что я сам добровольно не арестовался, чтобы вместе с ним доказывать его невиновность и протестовать. А теперь после обвинений в печати в такой ультраострой обстановке разве не может быть таких внутренних мотивов: "Ты нас-де сгубил в свое время, а сам хочешь жить да поживать?! Так мы тебя спихнем в яму!".

Специально об Астрове. Я не могу вспомнить обстановки его "фактов" и распределения их во времени, которые он вытягивает в одну струну, чтобы представить меня постоянным грешником с 1924 г. Речь идет о том, что он "набрал" и обмозговал все "факты" с 1924 года, - я этого сделать не могу, да еще без показаний Астрова на бумаге, ибо просто не помню этих деталей за 12 лет. Я, напр., ошибся, сказав, что я Айхенвальда видел в 1933 г.: это было, вероятно, в 1932 году (я не помню даже, когда он был арестован). Но все это перекрывается одним: я прекрасно знаю, что никаких

✓ разговоров о терроре, о "дворцовом перевороте", об "эсерах" и т.д. не было и быть не могло, по крайней мере с моим участием или с осведомлением меня об этом. Может быть кто-нибудь в более поздние времена и говорили о подобных вещах, а потом опрокинули это на более ранние времена и на меня, но я-то к этому делу (если оно вообще было) никакого отношения не имел и не имею. Вообще между ними было распространено бесконечное теоретизирование на самые различные темы.

Чем хочет взять Астров? Методом смещения безусловно правильных утверждений (с особым показом своей осведомленности, - напр. случай с "меморандумом" 24 г.) с бесконечно подлой ложью на высоких тонах. Первое есть веревочка для второго. Все продумано. "Рассказать?" - с готовностью спрашивает он и как по-писаному, спокойно (очень странное спокойствие) рассказывает.

✓ Мне т-щи указывали на добровольность показаний, на специальный вопрос об этом. Я и не подозреваю насилий. Но тут дело в другом. Вспомним, что по показаниям самого Астрова, он, Астров, хотел сам непосредственно заниматься террором.

Я к этому показанию Астрова про него самого не могу относиться с полным доверием и без сомнений.

Но он об этом говорит.

Тут что-либо одно из двух:

1) он говорит о себе правду. Тогда его положение ультратяжкое. Тогда он должен, спасаясь (или используя хоть самый малейший шансик на спасение), говорить, что он - исполнитель, получавший директивы. Так об"ясняется ложь в этом случае;

2) он говорит о себе неправду. Тогда он, значит, руководствуется "высшими соображениями": через себя гробить меня, как смертный грех внутри партии, который нужно уничтожить; может - после газет, судебного следствия, отсутствия статей и т.д. - появится мысль о такой почетной миссии.

Вспомним, далее, то обстоятельство, что Астров был уже однажды выпущен в связи со своими показаниями о террористических разговорах.

Чуть ли не 8 лет Астров, по его словам, носится с черными мыслями и все "собирается" что-то сделать!

Я не знаю: может быть что-то делалось за моей спиной, может что-то делалось в другую полосу, когда многие из этой молодежи мне уже не доверяли - но мне все эти планы не были не только известны, но я и в мыслях не мог предполагать ничего подобного.

Когда после пресловутой "конференции" я специальным заявлением осудил своих бывших "молодых" и раз навсегда от них отмежевался, то это было сделано не из боязни признать "свои собственные" действия, а потому, что самый этот факт и все развитие воочию показали мне, что дальше медлить с беспощадным личным разрывом было нельзя, что дело пошло по явно контрреволюционному пути, что здесь нужна уже максимальная резкость и т.д. Вот истинное положение дела.

Вот мои выводы и мои догадки (гипотезы) о возможных мотивах показаний Астрова.

Астров после того, как я неоднократно указывал на всю нелепость положения, что Рютин-де писал для меня платформу, впервые (и в противоречии со всеми другими) выставляет тезис, что я именно и писал (вместе с Рыковым и т.д.) эту платформу!!!^х) И это можно тоже трактовать, как "последнее слово" искренности.

Астров впервые вводит в игру Мельничанского (!!), который вообще не при чем (а он, Астров, искренне показывает!).

х х
х

Я не буду повторять своих жалоб на свою теперешнюю так называемую "жизнь". Ее тяжесть прямо неизмерима. Писать

^х) Особенно поразительно расхождение в этом пункте даже между Астровым и Цетлиным: "координации" здесь не вышло.

книгу я сейчас снова не могу... (Главлит, между прочим, не пропускает ко мне немецких и французских газет).

Горы клеветы наскребли из своих душ клеветники. И все дальнейшее движется, к сожалению (по крайней мере, поскольку это мне известно), уже в категориях этих (нереальных) "фактов". Но для меня, повторяю, от этого все эти "факты" не становятся убедительнее. Я - за партию, за ЦК, за СССР, за победу, что бы ни говорили про меня на основании наветов черных и хитрых людей. Это - не газетная концовка, а глубокое убеждение и сердцевина жизни.

Н. БУХАРИН

Р.С. Прилагаю французск. доклад.

